

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Комиссия по культуре Просвещения
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Воспоминания
Павле Наумовиче
Беркове
1896 – 1969

Из истории
российской науки

Ответственные редакторы
Н. Д. КОЧЕТКОВА, Е. Д. КУКУШКИНА

МОСКВА НАУКА 2005

Ф.З. Канунова

Представитель петербургской научной школы

Я и мои сверстники имели счастье учиться в 40-е годы в Ленинградском университете, филологический факультет которого был одним из самых блистательных в мире. Там одновременно трудились М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, А.А. Смирнов, Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Гуковский, А.С. Орлов, М.К. Азадовский, И.Г. Ерёмин, В.Я. Пропп, Н.И. Мордовченко, Г.А. Бялый, И.Г. Ямпольский, П.Н. Берков – и это еще далеко не все.

Огромное влияние на своих учеников оказал профессор П.Н. Берков. После ухода из жизни Гуковского и Эйхенбаума он оказался наставником, повлиявшим на мою деятельность в Томском университете и на жизнь нашей кафедры русской литературы в 60–70-е годы. Но обо всем по порядку.

П.Н. Берков читал нам курс истории русской литературы XVIII века в весеннем семестре 1940/41 учебного года. До него этот курс читал Г.А. Гуковский. И мы, можно сказать, с некоторой настороженностью ожидали другого профессора. Но вот вошел в аудиторию легкой, стремительной походкой молодой, красивый, с осанкой потомственного русского интеллигента, П.Н. Берков. Он завоевал наше доверие к себе сразу. Это и блестящая речь, и удивительная память, позволявшая держать в сознании сотни разнообразных фактов русской и мировой литературы и культуры, и умение глубоко чувствовать самые сложные и поразительные связи явлений. В русскую литературу XVIII века, в ее историю, философию, культуру Павел Наумович вошел как власть имущий. Он был всемирно признанный исследователь, перу которого принадлежали многие десятки новаторских исследований о литературе XVIII века – от обширнейших обобщающих монографий до сотен уточняющих или открывающих новые факты заметок.

На просеминирии Павла Наумовича мы обучались технике литературоведческого труда. Не жалея времени, Павел Наумо-

вич учил нас делать первые шаги по библиографии, составлению конспектов, изучению истории вопроса. От каждого из нас он требовал фактической достоверности, решительно не принимал неряшливости, неточных формулировок, неаргументированных широковещательных заявлений, учил не бояться “трудных тем”, любил повторять, что “наука движется от известного к неизвестному”. Направляя энергию студентов на разыскание новых фактов, он хотел, чтобы в каждой работе были хотя бы маленькие открытия. Но более всего Павел Наумович учил своей деятельностью профессора, своими обширными знаниями, за которыми угадывался огромный, непрерывный творческий труд, ставший, как мы очень рано поняли, сутью его жизни.

Экзамен по курсу истории русской литературы XVIII века мы сдавали 21 июня 1941 года, накануне начала Великой Отечественной войны. Затем была эвакуация, и мы вынуждены были разъехаться в разные края. Павел Наумович продолжал свою деятельную научную жизнь в Киргизии, а университет в марте 1942 года эвакуировался в Саратов.

Встретились мы, его студенты, лишь в 1944 году, когда после снятия блокады вернулись в Ленинград. Здесь мы еще раз вочию убедились, что такое феноменальная память Беркова. Увидев нас, расчищающих траншею перед университетом, Павел Наумович со свойственной только ему одному приветливостью подошел к нам и не только узнал, но каждого назвал по имени и фамилии, а ведь прошло три года.

Совершенно особое впечатление на всю жизнь оставил спецкурс по источниковедению, который Павел Наумович прочел нам – уже аспирантам – в своей домашней библиотеке в доме на улице Глинки. С благодарностью и восхищением говорил он о лучших справочных изданиях. А.В. Мезьер, И.В. Владиславлев, А.Г. Фомин, И.И. Мацуев представляли в рассказе Павла Наумовича как яркие личности и даже как поэты. Очень наглядно и конкретно раскрывался перед нами процесс литературоведческого разыскания, связанный с большим трудом, терпением, научной пытливостью. В этой, казалось бы, будничной работе Павел Наумович видел свою поэзию. С восторгом говорил он о библиографической эвристике и библиографическом литературоведении. Из этих занятий выросла его книга “Введение в технику литературоведческого исследования” (Л., 1955).

Все это имело особый смысл для нас еще и потому, что каждый из нас знал Павла Наумовича как человека широчайшей культуры и уникального образования, в совершенстве знавшего классическую филологию, египтологию, германистику, многие языки.

Интересен, например, такой факт. Однажды на юбилее И.М. Тронского Я.М. Боровский преподнес юбиляру стихотворное посвящение на латинском языке. Здесь же на торжественном заседании, пока выступали другие ораторы, Павел Наумович перевел это приветствие на русский язык в стихах и прочел его собравшимся.

Напутствуя меня перед отъездом в Томск, Павел Наумович сказал, что еду я в хороший университетский город и должна служить ему, как он служил Киргизии, исследовать литературу и культуру края, и главное – настойчиво рекомендовал заняться изучением ценнейшей библиотеки Томского университета. Впоследствии, когда я по его просьбе привезла ему очень добротный каталог Научной библиотеки, он, обрадованный этим приобретением, убеждал меня в необходимости исследования коллекции книг библиотеки В.А. Жуковского, говоря, что очень многое слышал о ее уникальности от М.П. Алексеева.

И в дальнейшем П.Н. Берков продолжал оставаться моим наставником и вдохновителем. Благодаря ему я, а затем и мои ученики установили прочные контакты с ИРЛИ (Пушкинским Домом) – секторами XVIII века и новой русской литературы, а впоследствии с отделом пушкиноведения. Он настойчиво советовал мне обсуждать свои рукописи (я тогда исследовала художественную прозу Н.М. Карамзина) на научном семинаре Сектора XVIII века ИРЛИ. Павел Наумович присылал мне многие свои книги, познакомил меня с ведущими учеными Пушкинского Дома, с некоторыми из них у меня установились прочные научные связи.

У меня сохранилось несколько писем Павла Наумовича 60-х годов, в которых эта забота учителя о моем научном росте хорошо ощущается. Так, в письме от 20 февраля 1962 года после состоявшейся (по моей вине – болезнь отца) встречи в Москве Павел Наумович написал мне: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Мы (...) были очень огорчены, не встретившись с Вами в Москве 5–7.И. Ваше вчера привезенное мне из Ленинграда письмо объяснило причины этой неувстречи. Рад, что Вашему отцу легче. На 23 февраля у нас уже назначен доклад И.З. Сермана. Ваш, если Вы сможете приехать в Ленинград, мы поставим в качестве внеочередного на любое для Вас подходящее время. Это может быть и в начале марта, и не обязательно в последнюю пятницу.

Ответ на это письмо, если он последует, прошу отправить по комаровскому, а не ленинградскому адресу: мы живем всей семьей в Комарове, а в Ленинграде бываем несколько раз в неделю, и ненадолго. Если приедете в Ленинград, постарайтесь позвонить к

нам (на ленинградскую квартиру, т. А-3-00-53). Если никто не ответит, черкните нам открытку в Комарово – она будет у нас на следующий день, не позже.

Сердечный привет Вам от С.М. (Софья Михайловна – жена, большой друг и соратник Павла Наумовича. – Ф.К.) и меня. Искренне Ваш. П. Берков”.

Сохранились у меня и другие знаки его пристального и заинтересованного ко мне внимания. 22 марта 1966 года он пишет следующую записку: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Очень жалею, что 14 марта не видел Вас в ИРЛИ и не мог передать книгу. Я оставил ее Н.Д. Кочетковой в надежде, что ей больше посчастливится, но и она Вас не нашла. Посылаю Вам книгу по почте и прошу не забывать искренне уважающего и преданного Вам П. Беркова”.

Павел Наумович строго следил за тем, чтобы я принимала участие во многих конференциях, организованных Сектором русской литературы XVIII века ИРЛИ и по возможности чаще публиковала свои статьи в сборнике “XVIII век”.

Говоря о П.Н. Беркове, необходимо отметить еще одну особенность. Высочайший авторитет ученого, университетского профессора зиждется, как говорил Ю.М. Лотман, на “безусловном доверии к его научной и человеческой этике”. Павлу Наумовичу, как и многим его коллегам, пришлось жить и работать в тяжелое и противоречивое время. Но в самые сложные периоды своей жизни он сохранял важнейшие черты русского интеллигента – он никогда не поступался высокой честью ученого. Он помогал и защищал людей даже тогда, когда это было опасно. Иначе он не мог.

Мне на всю жизнь запомнился Павел Наумович и его выступление, связанное с конфликтной ситуацией, возникшей на защите моей кандидатской диссертации в ноябре 1948 года. Тема работы – «Литературная жизнь и общественная позиция “Московского вестника”». Это журнал Любомудров, молодых шеллингианцев Д.В. Веневитинова, С.П. Шевырева, И.В. Киреевского и др. Активное участие в журнале принимал А.С. Пушкин (1827–1830). Тема, которую мне предложил мой научный руководитель Б.М. Эйхенбаум и над которой я с удовольствием работала, была в конце 40-х годов опасной. Но защита состоялась, и после весьма положительной оценки моих официальных оппонентов, Г.А. Гукковского и П.Н. Беркова, выступил молодой московский аспирант В. Архипов, работавший над диссертацией по А. Бестужеву. Он резко осудил меня за то, что в своей работе я недостаточно учитываю общественную борьбу в литературе, исповедую так на-

зываемую теорию “единого потока” истории и литературы и позволяю себе сближать позицию Любоумдров и Пушкина и даже – что совсем “преступно” – Любоумдров с декабристами. “Ведь Ленин, – говорил В. Архипов, – утверждал, что декабристы разбудили Герцена. При чем же здесь Любоумдры?..”

В мою защиту выступили Н.И. Мордовченко, М.К. Азадовский, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский; второй раз выступили официальные оппоненты. Возражая Архипову, Павел Наумович сказал знаменитые слова, которые я много раз повторяла своим ученикам: “Подлинная культура объединяет, а не разъединяет; не понимая этого, мы обязательно зайдем в тупик”.

Павел Наумович любил шутку, посвящал своим коллегам веселые четверостишия. Например, Г.А. Гуковскому:

Гуковский Григорий,
Гуковский Григорий,
Садитесь и пейте
Без всяких теорий.

Или Г.А. Бялому, одному из самых блистательных лекторов:

Кто новый наш Орфей?
Кто словом движет скалы?
Профессор Бялый!

Хотелось бы два слова сказать о замечательном доме Павла Наумовича и Софьи Михайловны Берковых на 13-й линии Васильевского острова. Это был деревянный особняк, который они занимали вместе с Г.А. Гуковским. С трепетом мы подходили к этому дому, уютному, хлебосольному, открытому для всех учеников Павла Наумовича. Здесь в гармоничной, сердечной, человеческой атмосфере, которую умела создавать обаятельная Софья Михайловна, было хорошо всем.

В Томском университете авторитет П.Н. Беркова, В.Я. Проппа, Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, М.П. Алексеева, В.М. Жирмунского, Г.А. Бялого и вообще петербургской филологической школы исключительно высок. И если я по-настоящему счастлива, то, наверное, в том, что мне удалось передать своим ученикам чувство пиетета перед этой уникальной школой, сохранить, в меру наших сил, неразрывные преемственные связи с ее традициями.